

Шэнь Цинчжоу церемониться не стал. Подавшись вперёд, он вознамерился в мгновение ока раздеть этого уродливого мужчину догола. Однако тот принялся отчаянно сопротивляться, собрав все силы. Хоть урод и не владел боевыми искусствами, тело его было крепким и сильным: он отчаянно брыкался и махал кулаками, и несколько случайных ударов пришлось Шэнь Цинчжоу по рёбрам, заставив того поморщиться от боли.

Вскоре эта возня наскучила Шэнь Цинчжоу. Молниеносным движением он провёл пальцами по акупунктурным точкам пленника, полностью его обездвижив, после чего не спеша сорвал с него остатки одежды.

Окинув взглядом его крепкое, по-мужски сложенное тело, Шэнь Цинчжоу снисходительно усмехнулся:

— И на что ты надеялся? Да с таким лицом, даже будь оно целым, на тебя едва ли кто позарился бы. Хм, а шрамы-то старые... Чем ты раньше на жизнь зарабатывал, а?

С этими словами он бесцеремонно провёл пальцами по телу брата Ло, тихо рассмеявшись:

— А ты забавный, не находишь?

Брат Ло молчал. Похоже, он смирился со своей участью: зажмурил глаза и замер, однако с каждым бесстыдным прикосновением чужой ладони его тело становилось всё более напряжённым.

Шэнь Цинчжоу с улыбкой склонился к самому его уху:

— Послушай, уродливый черт, ты не девка, так что не жди от меня нежности. Если покалечу случайно — уж не обессудь.

Обдав пленника алкогольным перегаром, он отвернулся от его изуродованного лица и прикусил чётко очерченный, покрытый жёсткой щетиной подбородок, после чего тихо, вкрадчиво рассмеялся:

— А тело у тебя и впрямь крепкое...

Но не успел Шэнь Цинчжоу зайти дальше, как сверху раздался странный скрежет. Он удивленно поднял голову и осёкся.

Этот тихий скрип исходил от брата Ло — тот с такой силой стискивал зубы, что челюсти сводило. Его голова была запрокинута, глаза всё ещё зажмурены, а из уголков катились безмолвные слёзы. Кадык судорожно ходил ходуном. Двигаться он не мог, но пальцы его были сжаты в кулаки с такой силой, что побелели костяшки.

Шэнь Цинчжоу в замешательстве отстранился. Почувствовав, что хватка ослабла, брат Ло открыл покрасневшие глаза и посмотрел на него, но слёзы всё катились и катились по его щекам.

Шэнь Цинчжоу нахмурился, смахнул слезу с его щеки и разочарованно вздохнул:

— Ладно, забудь. Раз ты так упираешься, никакого удовольствия я всё равно не получу. Силой брать — это только на словах весело.

Он снял блок с акупунктурных точек брата Ло и сам развалился на его кровати, недовольно ворча:

— Всё, проехали! Проваливай! Кровать теперь моя, а тебе я позже накинута сверху.

Прошло несколько минут, но уродливый слуга не ушёл. Шэнь Цинчжоу почувствовал, как на него набросили что-то тяжёлое — приоткрыв глаза, он увидел, что брат Ло укрыл его одеялом и только после этого собрался спуститься с постели.

В груди Шэнь Цинчжоу что-то дрогнуло. Он перехватил руку брата Ло. Тот снова оцепенел. Шэнь Цинчжоу и злился, и смеялся одновременно:

— Да чего ты сжался? Сказал же — не трону. Никуда ты не пойдёшь. Остайся и поболтай со мной.

Уродливый слуга обернулся. Его изуродованное шрамами лицо дёрнулось, он указал пальцем на свои губы, затем на горло и покачал головой.

Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся собственной глупости: надо же было додуматься — набиваться на разговор с немым! Если бы об этом узнали его братья по оружию, они бы со смеху лопнули. Тем не менее руки он не отпустил. Напротив, он потянул немого обратно на постель, накрыл его нагое тело краем одеяла и, заметив, что тот больше не сопротивляется, облегчённо выдохнул.

— Твой недуг... это с рождения?

Тот покачал головой.

— Болезнь какая-то подкосила? — спросил Шэнь Цинчжоу.

Помедлив секунду, брат Ло кивнул.

Шэнь Цинчжоу повернулся на бок и улыбнулся:

— Да не бойся ты меня. Пусть я порой творю глупости, но принуждать никого не люблю. Да и без надобности мне это. Знаешь, уродливый черт, я ведь выходец из почтенного и влиятельного клана, да и учитель во мне души не чает — я его любимый ученик. Среди сверстников мне пророчили великое будущее. С самого детства только и слышал, что я рождён для боевых искусств и обязательно прославлю свою школу.

Он замолчал, упиваясь воспоминаниями, а затем хвастливо продолжил:

— В тринадцать лет я впервые покинул долину вместе с Первым старшим братом. Тогда меня и прозвали Нефритоликим юным господином. И вовсе не за ратные подвиги, а просто за красивое лицо. Хотя из-за этой смазливой мордашки меня едва не утащил один гнусный похотливый ублюдок, любитель юнцов. Если бы Первый старший брат не рисковал ради меня жизнью, не видать бы мне свободы.

На этом месте Шэнь Цинчжоу резко прервался. Он поднялся с постели, перешагнув через немого, подобрал с пола укатившуюся золотую бусину и в три шага пересёк комнату. Распахнув дверь, он заглянул во двор — Сицюань, которого он недавно выставил за порог, так и сидел, съёжившись у косяка. Стоило двери открыться, как юноша испуганно подскочил на месте.

Шэнь Цинчжоу не сдержал смеха:

— Да что ж ты пугливый такой, словно заяц!

Схватив Сицюаня за руку, он силой вложил золото в его ладонь:

— Держи. Сбегай и принеси мне пару кувшинов вина. Если не дотащишь в руках — тащи в охапку, а не сможешь две — неси одну. Всю сдачу забирай себе. Понял?

Сицюань растерянно и испуганно закивал. Шэнь Цинчжоу легонько подтолкнул его в спину, велел возвращаться побыстрее, и снова захлопнул дверь.

Тем временем брат Ло успел натянуть на себя растерзанную одежду. Он уже спустился с кровати и теперь сидел у окна. Его взгляд был устремлён на Шэнь Цинчжоу, но стоило тому обернуться, как немой тут же опустил голову, избегая зрительного контакта.

Шэнь Цинчжоу пододвинул деревянный столик ближе к центру комнаты, уселся на свободный табурет и вольготно вытянул ноги.

— А знаешь, с тобой даже приятно общаться, — рассмеялся он. — Ты молчишь, а мне и даром не сдались чужие нравоучения. Всё это так долго копилось внутри, что я едва не задохнулся

под этой тяжестью! Так, на чём я остановился? Ах да, Первый старший брат...

Он умолк, оперевшись локтями о стол и подперев подбородок ладонями. На его лице больше не осталось и следа той злости и порочности, с которыми он ввалился сюда. В тусклом пламени одинокой свечи его глаза блестели, словно две далёкие звезды. От выпитого хмеля щёки слегка порозовели, выгодно оттеняя белизну безупречной, словно свежий снег, кожи. От всей его фигуры исходило какое-то пленительное, завораживающее очарование.

Прежний Нефритоликий юный господин превратился в прекрасного юношу: каждое его движение, каждая улыбка или даже вспышка гнева могли покорить любое сердце.

Заметив, что брат Ло смотрит на него не отрываясь, Шэнь Цинчжоу самодовольно усмехнулся:

— Эй, уродливый черт, ну скажи, хорош я собой?

Тот отвёл взгляд и после недолгого колебания кивнул.

— Вот и я говорю, красота — великая сила! — расхохотался Шэнь Цинчжоу. — А ты... неужели не жалеешь, что изуродовал себя?

В ответ немой посмотрел ему прямо в глаза и решительно мотнул головой.

Шэнь Цинчжоу замолчал, вглядываясь в лицо собеседника, а затем тихо вздохнул:

— А глаза у тебя красивые. И если присмотреться, черты лица когда-то были правильными... Пожалуй, теперь я верю словам того паренька. Эй, я же тебя хвалю, чего ты опять голову повесил? Взрослый мужик, а смущаешься от пары добрых слов. Будь я таким ранимым, давно бы со стыда сгорел.

Брат Ло по-прежнему сидел неподвижно, опустив голову, но Шэнь Цинчжоу и не ждал от него ответа. Он просто продолжил:

— Так вот, вернёмся к Первому старшему брату. Сбиваешь меня постоянно... У него тоже были очень красивые глаза. Не такие приметные, как у меня, под чужими взглядами он не смущался, но в его лице было благородство, которое раскрывалось не сразу. К нему хотелось присматриваться.

Слова лились сами собой. Шэнь Цинчжоу увлечённо, перескакивая с одного на другое, рассказывал о былых временах: о том, как они познакомились в детстве, как он восхищался Первым старшим братом, и о том глупом случае, когда в восемь лет он упрямо требовал, чтобы старший брат «вышел за него замуж». Он вспоминал, как после вступления в орден именно первый старший брат, не считая учителя, наставлял его на пути боевых искусств.

Под конец своего рассказа он с грохотом хлопнул ладонью по столу, заставив брата Ло вздрогнуть и поднять голову. Шэнь Цинчжоу со смехом указал на него пальцем:

— Знаешь, как я тебя нашёл? Услышал твою флейту! Мой Первый старший брат тоже на ней играет. Только у него выходит куда лучше, намного лучше!

Брат Ло слегка приподнял уголки губ и согласно кивнул.

— И где твоя флейта? — спросил Шэнь Цинчжоу. — Доставай. Как только этот малец вернётся с вином, сыграешь мне.

В ответ на это требование брат Ло лишь оглушительно чихнул.

Шэнь Цинчжоу на секунду опешил, а затем издевательски фыркнул:

— Ну и доходяга. С виду такой здоровый, а сам от любого сквозняка готов слечь.

Брат Ло метнул в него быстрый, недовольный взгляд и отвернулся.

Как ни странно, Шэнь Цинчжоу без труда разгадал этот немой упрёк. Он усмехнулся:

— Ладно, признаю, это я сорвал с тебя одежду. Но ведь ты не голышом сидишь! Просто здоровье у тебя никудышное... погоди, а ты точно никогда не занимался боевыми искусствами? Твое телосложение говорит о хорошей закалке, будто ты долго тренировал выносливость.

Брат Ло молча покачал головой и приоткрыл рот. Шэнь Цинчжоу подался вперёд, внимательно следя за медленным движением его губ, и по слогам прочитал:

— Первый старший брат... А, так ты хочешь слушать про него дальше?

Увидев согласный кивок, Шэнь Цинчжоу тяжело вздохнул и с наигранной неохотой протянул:

— Вот вернётся малец с вином, тогда и продолжу. Без чарки я долго не продержусь.

Брат Ло послушно затих, выпрямив спину.

Какое-то время Шэнь Цинчжоу молча предавался своим мыслям, а затем снова перевёл взгляд на немого. Не вставая, он пододвинул табурет вплотную к нему и задумчиво спросил:

— Раз уж ты так противишься гостям, зачем вообще подался в эту Башню Красного и

Зеленого? Тебя заставили? Да и хозяева здешние хороши — приютить такого калеку... Они что, совсем неразборчивые? И почему тебя до сих пор не выставили на улицу?

Говоря это, он фамильярно потянулся рукой и провёл пальцами по его щеке.

Зрачки брата Ло мгновенно сузились. Он резко качнулся назад, опрокидывая табурет, но Шэнь Цинчжоу среагировал мгновенно и успел перехватить его за руку. В ту же секунду в дверь негромко постучали, и снаружи раздался робкий голос Сицюаня:

— Молодой господин, я принёс вино. Позвольте войти?

<http://bllate.org/book/19915/2028609>